

А. А. Слезин

## Дети в «антирелигиозном наступлении» на рубеже 1920–1930-х гг.

В современной историографии утвердился вывод о том, что взаимоотношения «отцов» и «детей» в крестьянской среде после революции 1917 г. привели к глубокому разлому, разрыву поколений<sup>1</sup>. Ведь возмужавшее поколение «революционного перелома»<sup>2</sup> оказалось в положении, когда материальное и духовное наследие, которое оно по правилам преемственности развития призвано передать своим преемникам, в реальной жизни младшим поколением отвергалось.

В данной статье выясняется, какое влияние на разрыв поколений оказали отношения между верующими (в поколении «революционного перелома» их еще было абсолютное большинство) и юными «безбожниками» на начальном этапе сплошной коллективизации в СССР. При этом отметим, что в современной историографии активная роль детей в коллективизации<sup>3</sup> и в антирелигиозной деятельности данного периода<sup>4</sup> отражена лишь фрагментарно. Большое значение для осмысления межпоколенческого разлома имеют также публикации об общественных настроениях крестьянства, особенно те, что обращают внимание на отношение к детям<sup>5</sup>.

Как известно, уже в период нэпа дети были весьма активно вовлечены в антирелигиозную деятельность. Однако в мае 1928 г. VIII съезд ВЛКСМ констатировал, что «старое, хотя и разбито, но еще не изжито». В резолюции съезда «О работе ВЛКСМ среди детей» подчеркивалось: «Вопросы воспитания подрастающего поколения являются той областью, где старое, мертвое еще хватает новое, живое»<sup>6</sup>. Вновь говорилось о необходимости охва-

### Слезин

**Анатолий  
Анатольевич**

д-р ист. наук,  
проф., Тамбовский  
государственный  
технический  
университет (Тамбов,  
Россия)

### Финансирование

Исследование  
выполнено за счет  
гранта Российского  
научного фонда (РНФ),  
проект № 22-18-  
00132 «Поколение  
“революционного  
перелома” в судьбе  
российской деревни  
первой трети XX  
века», [https://rscf.ru/  
project/22-18-00132/](https://rscf.ru/project/22-18-00132/)

тить коммунистическим воспитанием поголовно всех детей и в первую очередь детей рабочих, бедняков и батраков<sup>7</sup>. В связи с этим намечался перелом в пионерской работе, все комсомольские организации обязывались заняться вопросами пионерии по существу и систематически. Незамедлительно призывали создать отряды те 20 тыс. комсомольских ячеек, при которых не было отрядов<sup>8</sup>. На работу среди пионеров направлялось 50 тыс. комсомольских активистов<sup>9</sup>.

Коллективизация сельского хозяйства в СССР стала определяющим фактором подрывающей духовные основы самого бытия крестьян активизации антирелигиозной деятельности. Их задачи были переплетены не только в подходах власти, но и в общественном сознании. Частушка тех лет гласила: «Совхозами, колхозами / И трактором стальным / При помощи безбожия / Коммуну создадим»<sup>10</sup>.

«Открытое наступление на религию» уже в 1928 г. начала комсомольско-молодежная печать. Верующих детей в официальной печати называли большими «религиозными предрассудками», раздавались призывы к их «лечению»<sup>11</sup>.

Понимая, что отлучить от религии легче всего наиболее юных граждан, власть делала ставку на ювентизацию антирелигиозной работы. В июне 1928 г. вышло постановление ЦК ВКП(б), предписывавшее пионерам вести борьбу против религиозных предрассудков в среде детей, а пионерам 14–15 лет — и среди взрослых<sup>12</sup>. Председатель Центрального совета Союза безбожников (СБ) Е. Ярославский убеждал, что «пионер в некотором отношении сильнее взрослых: у него меньше предрассудков»<sup>13</sup>. 2 октября 1928 г. Исполнительное бюро Центрального совета СБ рекомендовало осуществлять антирелигиозное воспитание с самого раннего возраста (как в школе, так и вне ее)<sup>14</sup>.

С 1 июля 1929 г. по 8 марта 1930 г. был объявлен первый этап специального «дошкольного похода». Работу по созданию системы общественного дошкольного воспитания развернули не только в целях «бытового раскрепощения женщины», но и для прекращения религиозного воспитания в семье. Комсомол планировал «забрать ребенка» у работниц колхозов и совхозов «в дошкольный клуб, на площадку»<sup>15</sup>. Все пустующие днем общественные помещения планировалось использовать для дошкольных учреждений, в летнее время призывали использовать большие дворы, пустующие школы. В сельской местности обращалось особое внимание на необходимость интернатских групп. Объявлялась «добровольная мобилизация» общественников.

Происходили большие изменения в повседневной жизни советских граждан. После утверждения Постановления СНК СССР от 24 сентября 1929 г. «О рабочем времени и времени отдыха в предприятиях и учреждениях, переходящих на непрерывную производственную неделю» термин «праздники» заменялся на «революционные дни», а их количество резко сокращалось. Постановлением предписывалось забыть даже про празднование Нового года. Когда религиозные праздники выпадали на выходные дни, антирелигиозный актив (включая детей!) делал все возможное, чтобы не дать сельчанам их отметить. Пионеров обязывали добиваться поголовного выхода родителей на работу в дни религиозных праздников. Пионеры прикреплялись для «антипраздничной» пропагандистской работы к детям «без галстуков» и их родителям.

В 1930-е гг. экспериментирование в данном направлении продолжилось введением сначала пяти-, а затем шестидневной рабочей недели. Е. Замятин отмечал в связи с этим деформации общественного сознания: «Дни недели, самое слово “неделя” в советской школе забыты...» Советскую школу он считал новым типом конфессиональной школы, в которой «в основу положена “антирелигиозная религия” коммунизма». При этом писатель говорил, что советский гражданин в 8 лет куда взрослее, чем был он в его годы, чем восьмилетний француз или англичанин. Показательно наблюдение Е. Замятина и про огромное число драм на тему «отцы и дети» в советской школе<sup>16</sup>.

Второй съезд Союза безбожников, переименовавший в июле 1929 г. данную организацию в Союз воинствующих безбожников, поставил перед школьниками цель уяснить основное положение работы СВБ: «Борьба против религии — борьба за социализм». Съезд призывал вырвать детей из-под влияния религиозных организаций<sup>17</sup>. Выдвигались задачи «пропитывания антирелигиозным содержанием всего школьного воспитания»<sup>18</sup>. После съезда обычными стали «добровольно-принудительные вербовки», ставившие целью не оставить без ячеек СВБ ни одного совхоза или колхоза, ни одной школы. Если на 1 января 1926 г. в Союзе было 87 тыс. членов, то к лету 1930 г. Центральный совет СВБ рапортовал уже о 3 млн чел.<sup>19</sup> Утвержденный в начале 1930 г. план «безбожной пятилетки» одной из целей провозглашал полное «обезбоживание» села. Борьба с религией связывалась со стиранием граней между городом и деревней, «колоссально ускоренным безбожным движением в деревне». Е. Ярославский, надеясь на создание «нового человека» («с совершенно другой психологией») всерьез заявлял: «Через несколько лет у нас исчезнет само название “крестьянин”»<sup>20</sup>.

2 ноября 1929 г. Бюро ЦК ВЛКСМ решило «объявить совместно с Центральным советом СВБ всесоюзное антирелигиозное наступление»<sup>21</sup>. Был создан специальный штаб во главе с Е. Ярославским. Радикализм деятельности во время «антирелигиозного наступления» оправдывался тем, что для трудящихся приверженцы той или иной религии являются классовыми врагами.

Союз воинствующих безбожников выпускал 14 антирелигиозных журналов и газет. В журнале «Безбожник у станка» (1923–1932) была специальная «Пионерская страничка», а также рубрика «Крестьяне и религия». С марта 1931 г. начал выходить ежемесячный журнал «Юные безбожники», ставший единственным в мире детским антирелигиозным журналом. Кроме того, массовыми тиражами выходили многочисленные антирелигиозные книги: как методического характера<sup>22</sup>, так и предназначенные непосредственно для начинающих изучать грамоту<sup>23</sup>. Общее количество антирелигиозного материала по всем издательствам СССР только за 1930 г. составило 418 наименований с общим тиражом в 20 428 850 экземпляров<sup>24</sup>.

Пропаганда безбожия в печати велась по нескольким направлениям. В первую очередь старались показать вред любой религии для государственного строительства, «разоблачить» ее классовое содержание и вред религиозных организаций как оружия врагов. Публикации были также нацелены на выявление «церковного засилья». Особый упор делался на осуждение конкретных

участников религиозных обрядов и таинств из числа членов коммунистических организаций (не только «взрослых»).

Борясь с религиозным культом, печать фактически насаждала культ коммунистических деятелей, прежде всего В. И. Ленина. В рассказе «Пелена с глаз упала» под «пеленой» подразумевалась одурманенность религией мужиков-крестьян. Ленин для автора — «целитель», объяснивший, почему нельзя верить в Бога. Последствия ленинской «проповеди» описываются так: «Ровно пелена с глаз упала! Слепые были, как кроты»<sup>25</sup>. Черты новой религии можно увидеть и в публикациях, утверждающих, что священнослужители, как бесы, могут вызывать болезни у советского человека.

А. М. Большаков усмотрел сравнение религии и коммунистической пропаганды в следующем крестьянском наблюдении: «Раньше попы говорили: “Терпи, переноси все невзгоды и обиды — на том свете ты получишь Царствие Небесное”. Теперь коммунисты то же самое говорят: светлое будущее будет вашему поколению, а вы терпите и переносите. Точь-в-точь как попы, так и коммунисты — насулят тебе горы, а на деле нет ни шиша»<sup>26</sup>.

Из-за нехватки грамотных пропагандистов одной из самых распространенных форм антирелигиозной работы в деревне было групповое чтение газет и журналов. В 1929 г. была проведена трехмесячная кампания по популяризации безбожной литературы. Организовывались выставки, книжные киоски по ее распространению. Однако содержание антирелигиозной литературы, как правило, очень тяжело воспринималось слушателями разных возрастов. Причем если младшие сельчане обычно воспринимали его на веру, взрослые крестьяне пытались задавать вопросы, но чаще всего вразумительных ответов не получали. Не смогла оказать серьезное влияние на крестьянство и стенная печать. Большинство антирелигиозных стенгазет выпускалось формально, их содержание очень редко обновлялось: селькорам (особенно юным) элементарно не хватало знаний. Часто и в деревнях ставились антирелигиозные пьесы (например, «Кто помог: агроном или Бог»), но далеко не всегда спектакли вызвали интерес даже у невзыскательной сельской публики. Дети же воспринимали спектакли как забаву и от души смеялись над самодеятельными постановками, а часто и сами участвовали в них.

Активно использовались антирелигиозные красные уголки, передвижные музеи, организовывались проезд агитпоездов, экскурсии в городские антирелигиозные музеи (в 1931 г. их насчитывалось 77<sup>27</sup>). Пожалуй, наибольшее значение имело то, что безбожники в качестве мощного пропагандистского инструмента получили радио и кино. Руководство пионерской организации рапортовало о неустанном росте числа радиоприемников, сделанных руками детворы, и их сельских слушателей<sup>28</sup>. Сохранились свидетельства о том, что дети даже из самых глухих деревень восторженно отзывались о просмотренных антирелигиозных фильмах<sup>29</sup>. Говоря о ценности и доступности кино, к тому же надо учесть, что беднейшая часть деревенских жителей пропускалась на киносеансы бесплатно, для детей до 16 лет билет стоил 5 коп.

В школах решительно приступили к замене безрелигиозного воспитания антирелигиозным. Религиозный материал включался в школьную программу

под видом рассказов об охране здоровья, распространении заболеваний через обряды<sup>30</sup>. Причем комсомольские органы настойчиво критиковали руководителей народного просвещения за слабую активность системы народного образования в антирелигиозной деятельности<sup>31</sup>. В 1929 г. один из пионеров заявил: «Ребята прочистят такие ходы сознания матерей и отцов, до которых рука взрослого пропагандиста не достанет»<sup>32</sup>.

В то же время организаторы антирелигиозной работы пытались учитывать специфику работы с детьми. Например, методисты подчеркивали, что для работы в деревне не годятся лекции, создающие предпосылки для «ненужных дискуссий», малограмотным слушателям тяжело внимать длинные и непонятные доклады. Для отвлечения детей в праздники советовали проводить игры, в крайнем случае — легкие уроки<sup>33</sup>. Учащихся активно использовали для вытеснения из школ религиозных учителей. Комсомольские и пионерские организации называли их дезертирами антирелигиозного фронта, в государственных органах передавали компрометирующие сведения о них.

Во «взрослые» ячейки СВБ с 1929 г. можно было вступить с 14 лет. В каждом пионерском отряде создавалась детская группа безбожников (в нее можно было вступить с 8 лет). К 1930 г. безбожников школьного возраста по стране насчитывалось более 1 млн чел.<sup>34</sup> В 1932 г. численность Всесоюзной пионерской организации СССР исчислялась в 6 млн чел.<sup>35</sup>, а СВБ заявлял, что при общей численности СВБ в 5,5 млн чел. около 2 млн детей в возрасте от 8 до 14 лет находились в группах юных воинствующих безбожников<sup>36</sup>. Правда, многочисленные свидетельства дают повод сомневаться в этих цифрах. Позднее сами руководители СВБ признавали, что завышали фактическую численность союза<sup>37</sup>. В провинции безбожники признавались, что СВБ не имеет массовой поддержки. Многие местные антирелигиозные издания, не сумев завоевать хоть какую-то популярность, быстро умирали или превращались в странички региональных партийных изданий<sup>38</sup>. Д. Перис называет СВБ «атеистической потемкинской деревней в национальном масштабе»<sup>39</sup>. Причем очевидно, что на селе количество активно участвующих в антирелигиозной работе было значительно меньше, чем в городах, а в национальных районах детское безбожное движение почти отсутствовало. Так, на Украине признавали, что их детская безбожная организация только членские взносы собирает<sup>40</sup>. Руководство юных пионеров признавало: «Мыльными пузырями оказываются все эти дутые цифры, обильно украшающие сводки отчетных окружных и областных пионерорганизаций. Как часто ребята выполняют общественную работу неохотно, без всякого увлечения, как часто общественная работа декретируется сверху...»<sup>41</sup> Тем не менее именно в 1929-1933 гг. детское безбожное движение достигло своего пика, и влияние его на ситуацию в российской деревне игнорировать нельзя.

В ряде регионов организовали детские антирождественские и антипасхальные демонстрации. Организаторы «детского безбожного отдыха» пропагандировали изготовление костюмов под характерными названиями: «святой мусор», «поповское орудие», «паразит» и т. п. Если в селе не было возможности провести полноценный детский антирелигиозный праздник, рекомендовалось хотя бы отвлечь детей от религиозного празднования. Например, план

Рассказовского бюро юных пионеров предусматривал провести общий сбор пионеров в те часы, когда детей посылают святить куличи и пасхи<sup>42</sup>. В некоторых регионах специально переносили школьные каникулы на конец января (к «ленинским дням»), чтобы дети не отдыхали в дни религиозных праздников первой половины месяца. Более того, в целях ограждения детей от религиозных обрядов в праздники некоторые школы специально переносили выходной с воскресенья. На основе доносов составлялись специальные сводки посещаемости школьниками и дошкольниками церквей. Обычным явлением становились и детские доносы о религиозности ближайших родственников<sup>43</sup>. В методических изданиях учителям рекомендовалось расспрашивать учащихся о «верованиях сельского населения»<sup>44</sup>.

Второй съезд СВБ настойчиво рекомендовал органам народного образования распространить атеистическое воспитание и на детские дошкольные учреждения, вести антирелигиозное воспитание с самого раннего возраста. Дошло до того, что местные газеты стали публиковать антирелигиозные статьи, адресованные детсадовцам. Как часть советского индустриального проекта в качестве удара по религии и святыням в детской прессе популяризировалась кремация<sup>45</sup>. На страницах «Пионерской правды» количество карикатурных изображений деятелей церкви и их «приспешников» увеличилось в разы<sup>46</sup>. Все активнее пытались использовать в антирелигиозной пропаганде детский досуг. Например, в одной из популяризируемых тогда игр по картинке, изображавшей мужа, избивающего жену на глазах испуганных детей, предполагалось отгадать, «чьим именем попы и сектантские проповедники морочили народ и благословляли ужасный быт»<sup>47</sup>. Малышам пытались привить любовь к играм, названия которых говорят сами за себя: «Безбожный поход», «Поп бежит», «Безбожный автомат», «Борись с вредителями», «Красная атака». В сценарии игры «антирелигиозный тир» предписывалось бросать мячи в мишени, изображавшие священников и церкви. Журнал «Безбожник» опубликовал план игрового «лабиринта», в котором пионера надлежало провести мимо попов и раввинов в клуб, где его «воспитают в коммунистическом духе». Крестьяне сообщали в редакцию, как испытали настоящую жалость к ребенку и брались провести его в клуб<sup>48</sup>. Игра «Заколдованный круг» должна была продемонстрировать, что веру в сверхъестественные силы порождает нежелание размышлять над непонятным. Нарисованный мелом круг нельзя «переходить». Играющим нужно было догадаться, что его можно преодолеть, перепрыгнув<sup>49</sup>.

В Мичуринском районе Центрально-Черноземной области накануне 1929 г. вожатым отрядов и форпостов юных пионеров было разослано инструктивное письмо о проведении кампании «Проведем борьбу с религией». Ее задачами провозглашались: усиление антирелигиозной пропаганды в отрядах, борьба против празднования Рождества, разоблачение при помощи химических опытов тайн и чудес<sup>50</sup>. Все задания предписывалось разбить по звеньям. Старшему звену поручалось организовать ячейку «Друзей безбожников», провести беседы в младших группах о Рождестве, подготовиться к проведению антирелигиозной демонстрации, разучить с младшими ребятами антирелигиозные песни, игры, частушки, декламации. За средним звеном закреплялось проведение вербовки



подписчиков на газету «Безбожник», организация уголка безбожников. Младшее звено организовывало игры с малышами. На общий сбор пригласили родителей, требуя отмены семейного празднования Рождества. Намечались мероприятия по борьбе за вовлечение детей из религиозных сект в пионерские отряды<sup>51</sup>.

Была развернута кампания по сбору детьми металлолома, в разряд которого попадали кладбищенские ограды, снятые с колоколен колокола. Модными стали фотографии низверженных колоколов и улыбающихся «молодых победителей». Данная кампания демонстрировала отвратительные примеры бесхозяйственности, когда много собранного металла подолгу валялось под открытым небом.

С 15 декабря 1929 г. по 15 января 1930 г. планировалось проведение антирождественской стачки пионеров и школьников, но Секретариат ЦК ВКП(б) отклонил эту идею, требуя провести «серьезную подготовительную работу» к «антипраздничной» кампании<sup>52</sup>. Тем не менее комсомольское Рождество вышло очень резонансным. Почти повсеместно на антирождественских мероприятиях молодежь и дети выдвигали требования о закрытии храмов. На западе страны юные безбожники устраивали бойкоты ксендзов, их не пускали в дома бедноты, батраков и середняков.

Если в середине 1920-х гг. антирелигиозный актив пытался отказаться от карнавалов из-за конфликтов с верующими, теперь конфликты провоцировали нарочно. В начале 1930 г. в центрах многих сел и деревень водрузили рождественские елки, украшенные куклами, изображавшими священников. Антирождественские мероприятия в это время имели невиданный доселе размах и, как правило, завершались сожжением этих елок и икон. Было также сожжено множество макетов церквей, костелов, синагог, мечетей. Юные члены СВБ наряжались в «попов» и «монахов», пели антирелигиозные частушки. К рождественским дням были приурочены конкурсы на сдачу икон, церковных книг.

Вопреки официальному запрету с декабря 1929 г. рождественских елок в некоторых крестьянских семьях все равно праздновали Рождество с елкой. Поэтому создали специальные патрули, ходившие по домам для выявления «религиозных, контрреволюционных деревьев». Для расширения круга сторонников антирождественских мероприятий организовали экологическую всероссийскую акцию «Спасем лес!».

Весьма похоже организовывалась борьба с мусульманскими праздниками. Ислам преподносился крестьянам как мир невежества, фанатизма, тормоз социалистического строительства, контрреволюционная сила.

Межпоколенческие отношения весьма осложнялись при использовании культовых сооружений под школы, дома пионеров, клубы, больницы, музеи. Правда, сельское население далеко не всегда отвергало планы передачи молитвенных зданий под общественные нужды. Однако, увидев в реальности разрушение храмов, сталкиваясь с препятствиями для нормального функционирования приходов, крестьянство вело себя все более непримиримо. Тем более что нередко закрытиям храмов сопутствовали погромы кладбищ, разрушения памятников. Мог превратиться бывший храм и в тир, где мишенями служили иконы<sup>53</sup>. Причем закрытие церквей по упрощенным правилам шло

в 1927–1929 гг. в геометрической прогрессии: от 134 до 1000<sup>54</sup>. «Учительская газета» публиковала списки храмов, закрытых по инициативе школ. Для крестьян старших поколений, воспитанных на незыблемости религиозных ценностей, закрытие церквей и мечетей стало событием, показывающим, что власть в достижении своих целей не остановится ни перед какими авторитетами и традициями. В общественных представлениях сложилось устойчивое мнение о большинстве взрослых как противниках разрушения церквей, а о юнцах — как наиболее активных участниках антицерковных акций.

Именно дети, как правило, приносили для публичного уничтожения иконы из дома. Писатель В. А. Солоухин свидетельствовал: «За выбрасывание икон иногда били. Но зато в школе пострадавшего пионера ставили в пример»<sup>55</sup>.

Судя по отчету Староюрьевского районного бюро юных пионеров (июнь, 1929), в селах данного района отношение большинства крестьян-родителей к пионерам в основном было хорошее, но отмечались случаи, «когда родители гоняют ребят в церковь, пугают войной». Например, после того, как пионерам Боголюбовского отряда раздали галстуки, ребята радовались, а потом стали приходиться к вожатому и бросать их, говоря, что «нас подушат», просили исключить их из отряда. Вожатый не знал, что делать, созвал родительское собрание, пояснил, что делают пионеры в отряде и т. д. Родители подняли шум: «Что вы сюда ходите, приучаете наших детей отбирать хлеб, зовете их в коммунисты!» В данном случае ситуацию удалось урегулировать<sup>56</sup>, но обычно конфликты только разрастались. Даже официальные публикации тех лет свидетельствуют о крайнем недовольстве многих родителей усиливающимся непочтением родителей детьми: «Теперь в семье сын и дочь сплошь и рядом говорят родителям: “Отстань от меня, что ты ко мне пристала, ты ничего не понимаешь”, — а раньше это считалось позором»<sup>57</sup>.

Официальные лица все чаще говорили о недопустимости индивидуального воспитания юных строителей коммунизма в крестьянских семьях. Так, М. Н. Лядов цели воспитания видел в «коллективно мыслящем ребенке», говорил, что сформировать его можно «только в общественной среде», родители «губят своих детей, если воспитывают их дома»<sup>58</sup>.

Некоторые родители под страхом преследований стали просто устраняться от воспитания детей. В. А. Солоухин вспоминал, что его старший брат Николай в 1929 г. оканчивал школу крестьянской молодежи в селе Черкутино Ивановской промышленной области и записался там в кружок безбожников. По его словам, верующие родители совсем не препятствовали школьному воспитанию атеиста. Про себя писатель пишет: «Родители, отчетливо понимая, что жить мне всю жизнь предстоит при новой власти, руководствуясь, очевидно, инстинктом самосохранения, полностью самоустраивались от моего, так сказать, социального воспитания, передоверив меня советской школе»<sup>59</sup>.

На формирование материалистического мировоззрения детей сильное влияние оказывало их знакомство с естественно-научными знаниями. Более осязаемым, чем «божий промысел», было объяснение преград на пути социалистического строительства: указывались конкретные враги. Уже и в деревне многие дети не соблюдали религиозных таинств.



Даже в методических рекомендациях для учителей говорилось о необходимости «более крутых мер против семьи»<sup>60</sup>. По словам Н. Л. Лопатиной, «формировалось отношение к верующим родителям как к чужеродному элементу»<sup>61</sup>. Крестьян старших поколений в свою очередь крайне раздражали популяризируемые властью новые обряды, попытки по-новому регламентировать семейно-брачные отношения, превратить похороны или свадьбы в митинги. А. М. Большаков записал типичный монолог крестьянина, боявшегося расстаться с традициями: «Религия не нами начата. Кругом будут креститься, отпеваться, венчаться, — а мы без всего этого?»<sup>62</sup> В крестьянском миропонимании это выглядело надругательством над самым сокровенным.

О межпоколенческом разломе в религиозной сфере красноречиво свидетельствуют следующие случаи. Из церкви села Ижеславль Михайловского района присутствующие с криком «Не причащайте эту нехристь, они пьют из нас кровь!» вытолкнули из церкви пришедшую причаститься дочь одного из колхозников<sup>63</sup>. В Баландинском районе Нижневолжского края престарелые родители проклинали детей за вступление в Ликбез, в котором, по их словам, учат петь безбожные песни и отрицают Бога<sup>64</sup>.

Типичной можно назвать ситуацию: «Однажды Петька явился в отряд с синяками под глазами. Пожаловался: “Сорвал с меня отец галстук. Кричит: нечего ходить в красном ошейнике”, — все пятнадцать отправились к Петьке домой»<sup>65</sup>. В планах пионерского «похода за урожай» была беседа с родителями о проведении агрокультурных мероприятий<sup>66</sup>. Пионеры устанавливали шефство над свинарниками, птичниками, инкубаторами. Особенно раздражало сельчан привлечение пионерской «легкой кавалерии» к реализации контрольных функций в колхозах и совхозах. Т. А. Мищенко правомерно указывает в деятельности пионеров «на случаи прямого вызова убеждениям взрослого человека, что в прежнем крестьянском сознании (иерархичность, уважение к старшим) было практически невозможно»<sup>67</sup>.

Е. Ярославский считал, что, если укрепить новую мораль «в сознании каждого ребенка», советская власть будет непобедима: «Мы гигантски ускорим муки родов нового общества»<sup>68</sup>. В своих выступлениях он регулярно отмечал успехи антирелигиозного влияния детей и молодежи на родителей, подчеркивал, что «через детей школа влияет и на родителей, иногда это влияние очень серьезно»<sup>69</sup>.

Политика сплошной коллективизации с самого начала включала в себя и многочисленные меры, направленные против священнослужителей и вообще верующих. Понятия «контрреволюционер» и «священнослужитель» в правовом сознании юношества становились синонимами. Частушки также отразили антирелигиозные аспекты борьбы с кулачеством. Например: «Укрепляется колхоз — / Кулаку забота. / Не спасет Иисус Христос / Тита-живоглота»<sup>70</sup>. Все, кто сочувственно относился к Русской православной церкви, в это время, как правило, объявлялись если не кулаками, то подкулачниками. Инструкция НКВД от 1 октября 1929 г. определяла служителей культа как лишенных избирательного права<sup>71</sup>. Детей «лишенцев» изгоняли не только из пионерии и комсомола, но и из организаций безбожников, а часто и из школ<sup>72</sup>.

После публикации 2 марта 1930 г. статьи «Головокружение от успехов», в которой всю ответственность за допущенные перегибы И. В. Сталин свалил на местное руководство, власть пошла на некоторые уступки верующим. Был поставлен вопрос о смягчении позиции по отношению к детям «лишенцев». Е. Ярославский заявил на пленуме ЦС СВБ СССР 20 марта 1930 г.: «Сейчас даже там, где выселяются семьи кулаков, дети иногда остаются. Дети хотят оторваться от отцовской пуповины. Почему мы не должны помочь им в этом? Нам нельзя засорять наши организации чуждыми элементами, но перевоспитать их — наша обязанность. Мы должны и эту молодежь воспитать как безбожную»<sup>73</sup>. Н. К. Крупская заявила о детях кулаков, что их надо «учить, как всех других детей, не попрекать происхождением»<sup>74</sup>. В октябре 1930 г. была отменена норма, приравнивавшая священников к кулакам.

В то же время, скорее всего, власть боялась чрезмерного «отступления» безбожников на местах. В реальности «наступление на религию» видоизменилось, но продолжалось. Согласно распоряжению СНК РСФСР, к началу 1931 г. в штатном расписании отделов народного образования краевого, областного и окружного уровня выделялась специальная ставка инспектора по антирелигиозной пропаганде<sup>75</sup> 8 февраля 1931 г. коллегия Наркомпроса РСФСР приняла Постановление «Об усилении работы по антирелигиозному воспитанию»<sup>76</sup>.

Причем даже сами организаторы атеистической работы говорили о частой подмене ее «выходками хулиганского характера»<sup>77</sup>. Власть признавала: «Безбожие в форме существующей добровольческой антирелигиозной пропаганды очень шумливо по внешности, но бессистемно и в деревню не проникает. Свои доморощенные деревенские безбожники больше агитируют против себя, чем за себя»<sup>78</sup>. Нередко своеобразной формой политического протеста был просто приход в церковь.

Нельзя отрицать и того, что верующие иногда и несправедливыми способами пытались убедить детей в необходимости соблюдать религиозные традиции. Например, в селе Новое Демкино некая А. Бойкина пыталась запугать ребят младшего школьного возраста, рассказывая, что «в 50 верстах была Богом послана страшная буря, которая унесла за собой на край земли всех колхозников и пионеров с их добром, скотиной и урожаем на гибель»<sup>79</sup>.

Конфликты между крестьянами разных поколений стали обыденностью сельской жизни. По крайней мере, никого не удивляли угрозы родителей выгнать детей из дома, порча ими антирелигиозных костюмов, применение физических наказаний в отношении участвующих в светских мероприятиях<sup>80</sup>. В селе Сергеевка Аркадакского района Нижневолжского края родители выгоняли из дома своих детей-безбожников, и те вынуждены были ночевать в поле<sup>81</sup>. Официальная пропаганда призывала детей быть смелыми в отстаивании безбожных взглядов: «Не бойся преследований — они закалят тебя, сделают тебя настоящим борцом. Веди упорную работу среди родителей, терпеливо убеждая их, настойчиво доказывая свою правоту»<sup>82</sup>. Лояльность к религиозным родителям непримиримо осуждалась и в комсомоле, и в СВБ. Советская печать открыто пропагандировала непримиримость детей по отношению к родителям<sup>83</sup>.

Проводившиеся ранее опросы живших в годы коллективизации в сельской местности показывают, что именно в это время взрослые стали стараться не вести религиозные разговоры при детях.

Многие респонденты рассказывали, что родители тайно молились, держали иконы, но детей молиться приучали лишь немногие. По их словам, антирелигиозная активность во многом способствовала падению нравственности, разнузданности обыденного поведения сельчан<sup>84</sup>. Неслучайно, по воспоминаниям писателя В. П. Астафьева, его бабушка причитала: «Ой, робятишки, робятишки, совецка власть токо-тако накатила, а вы уж всякого сраму наимались и наелись. Дале-то че будет?.. Как жить-то без Бога будете?..»<sup>85</sup>

Даже в детях боролось несколько установок. По словам С. М. Ривеса, — это явно религиозная, покорно оппортунистическая (готовность подчиниться и уступить религиозному влиянию), нигилистически-нейтральная (беспринципная обывательщина), пассивно безрелигиозная (не верят, но не борются), активно безрелигиозная<sup>86</sup>.

Коммунистическими пропагандистами религия все в большей степени представлялась как инструмент враждебной политики «кулацко-нэпмановско-поповского блока». Задачи коллективизации и «антирелигиозного наступления» сближались все больше. Руководителями СВБ провозглашалось, что к 1 мая 1937 г. безбожные ячейки будут созданы на каждой машинно-тракторной станции, в каждом совхозе и колхозе, само имя Бога будет забыто на территории всей страны.

Однако сверхоптимистичные планы идеологов безбожного движения оказались далеки от реальности. Хотя в условиях нарастания преследований за религиозные убеждения от людей трудно было ожидать искренних признаний, наверное, нельзя игнорировать данные Всесоюзной переписи населения 1937 г. Согласно им, среди населения СССР старше 16 лет верующими себя назвали более 55 %. К поколению «революционного перелома» на тот момент можно отнести 30–39-летних (64 % верующих) и 40–49-летних (75 % верующих)<sup>87</sup>. Перепись продемонстрировала, что ни антирелигиозная деятельность, ни распространение грамотности не ведут к отрешению людей от религии автоматически. И даже если человек публично демонстрирует свою нерелигиозность, это еще не значит, что он полностью отказался от религиозных убеждений.

Правда, это не отрицает того факта, что антирелигиозное «наступление» стало одним из наиболее радикальных проявлений советского «безбожия». Та же Всесоюзная перепись 1937 г. показала, что повзрослевшие дети конца 1920-х — начала 1930-х гг. все же чаще, чем представители других поколений, заявляли о своей нерелигиозности (в возрасте 16–19 лет верующими себя назвали 43 %, в возрасте 20–29 лет — 55 %<sup>88</sup>). С началом сплошной коллективизации антирелигиозная пропаганда приобретала все более поверхностный характер, антиклерикальный аспект атеизма резко усилился в ущерб религиозоведческому. Именно в этой ситуации к антирелигиозной работе все более широко привлекались дети.

Было бы ошибочным видеть в антирелигиозной деятельности только негатив. Антирелигиозное движение, опираясь на всемирную гуманистическую

культуру, проповедовало светские нравственные ценности. Успехи в этой сфере справедливо связывались в тогдашней пропаганде с достижениями производственной, культурно-просветительной и прочей созидательной деятельности.

В то же время многие дети, вовлеченные в движение безбожников, толком не осознавали ценности атеистического мировоззрения. Фактически лишённые возможности даже не понимания, а терпимого отношения к верованиям и традициям старшего поколения, они были «запрограммированы» на решительное отрицание ценностных ориентиров «отцов». В менталитет подрастающего поколения наиболее прочно внедрялись взгляды на духовенство как врага советского строя, на религиозную обрядность — как на аномалию социальной жизни, а на верующих — как людей неполноценных. Активное участие детей в антирелигиозной борьбе и коллективизации способствовало закреплению в их общественном сознании моральных установок на нормальность насилия и отрицание сострадания, по крайней мере, к активным защитникам религии.

Проблемы между поколениями были, есть и будут. Но в переломные моменты истории кардинально меняются способы их решения, происходит смещение приоритетов. В частности, в период коллективизации и антирелигиозного «наступления» способом решения проблем все в меньшей степени был внутрисемейный консенсус. В изучаемое время основными причинами конфликтов поколений, как правило, были не только вредные привычки юнцов, но и несправедливое, с точки зрения старших родственников, распределение внутрисемейных обязанностей, стремление юных активистов указывать старшим, как жить, какие ценности считать устаревшими. Подчас уже в детской среде происходило крушение родительского авторитета, только усиливаемое официальной пропагандой. Вопреки традициям поучения зачастую исходили не от старших младшим, а от младших старшим. Для многих представителей младших поколений более значительным становилось мнение не родителей, а чуть более старших комсомольских или партийных руководителей (иногда и ровесников!).

Коллективизация продемонстрировала, что межпоколенческие конфликты зависят не только от личных и семейных характеристик участвующих, но и от социальных предпосылок. Многие «отцы», наблюдая за активными участниками коллективизации из числа детей, были уверены, что они стремятся овладеть их социальными, производственными и другими позициями, тогда как потенциал их поколения еще не был выработан. В условиях раскулачивания и борьбы с инакомыслием представители старших поколений зачастую предпочитали не проявлять свои традиционные наставнические позиции. Поколенческая иерархия российского села продолжала переворачиваться.

<sup>1</sup> Левада Ю.А.\* Заметки о проблеме поколений // Отцы и дети: Поколенческий анализ современной России: сб. статей / под ред. Ю. Левады\*, Т. Шанина. М., 2005. С. 235–244; Рожков А. Ю. Трансформация ценностных ориентаций сельской молодежи Кубани в условиях

\* Автономная некоммерческая организация «Аналитический Центр Юрия Левады» включена в реестр некоммерческих организаций, выполняющих функции иностранного агента.

межпоколенческого разрыва (1920-е гг.) // *Голос минувшего*. 2016. № 3-4. С. 164–182; *Рыбаков Р. В.* «Социалистической культуре недостает каких-то добродетельных начал»: из опыта воспитания советской молодежи в 1920-е гг. // *Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики*. 2016. № 11-1 (73). С. 122–126; и др.

<sup>2</sup> См.: *Вязинкин А. Ю.* Поколение «революционного перелома» в судьбе русской деревни первой трети XX в.: проблемы историографии // *Вопросы истории*. 2022. № 7-2. С. 153–165. <https://doi.org/10.31166/VoprosyIstorii202207Statyi46>

<sup>3</sup> *Бустубаева А. В.* Участие пионеров Челябинской области в индустриализации промышленности и коллективизации сельского хозяйства // *Вопросы образования и науки: теоретический и методический аспекты*. Тамбов, 2015. С. 15–17; *Корнюшкина К. А.* Дети-пионеры в процессах коллективизации и раскулачивания (на материалах газеты «Пионерская правда» в период с 1925 по 1933 гг.) // *Перспективные научные исследования*. Оренбург, 2017. С. 3–11; и др.

<sup>4</sup> *Сальникова А. А., Корнюшкина К. А.* «Мы ребята молодцы, пионеры-ленинцы!»: формирование образа «идеального» советского ребенка на страницах газеты «Пионерская правда» (вторая половина 1920-х — начало 1930-х гг.) // *Гуманитарные науки в XXI веке: научный Интернет-журнал*. 2017. № 9. С. 72–82; *Новоселов А. Л., Сальникова А. А.* «Поп с кулаком сварганил чудо»: антирелигиозная пропаганда на страницах детского журнала «Юные безбожники» // *Современная научная мысль*. 2020. № 2. С. 80–86.

<sup>5</sup> *Грищенко И. А.* Борьба с религией как идейная составляющая коллективизации (по архивным материалам Гомельского региона) // 1917–2017: уроки столетия. Гомель, 2017. С. 304–313; *Иевлева О. И.* Коллективизация и настроения крестьян Сухиничского округа Западной области // *Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук*. 2016. № 4-1. С. 193–197; и др.

<sup>6</sup> О культурном строительстве / сост. И. Ф. Заколкин, В. В. Морозов, А. Я. Подземский. М., 1930. С. 101.

<sup>7</sup> Там же. С. 102.

<sup>8</sup> Там же. С. 105.

<sup>9</sup> Об итогах пионерского слета: Постановление ЦК ВКП(б) // *Учительская газета*. 1929. 17 ноября.

<sup>10</sup> *Безбожник*. 1934. № 7. С. 16–17

<sup>11</sup> *Амосов Н. К.* За воинствующий атеизм // *Учительская газета*. 1928. 3 февраля.

<sup>12</sup> О состоянии и ближайших задачах пионердвижения: Постановление ЦК ВКП(б) от 25 июня 1928 г. // *Директивы ВКП(б) и постановления советского правительства о народном образовании: Сборник документов за 1917–1967 гг.* Вып. 1. М.; Л., 1947. С. 279.

<sup>13</sup> *Ярославский Е.* Самым юным безбожникам (к слету пионеров) // *Безбожник*. 1929. 11 августа.

<sup>14</sup> Государственный архив Российской Федерации (далее — ГА РФ). Ф. 5407. Оп. 1. Д. 14. Л. 65.

<sup>15</sup> О культурном строительстве. М., 1930. С. 125.

<sup>16</sup> *Замятин Е.* Советские дети // *Замятин Е.* Сочинения. Т. 4. Мюнхен, 1988. С. 565–570.

<sup>17</sup> Резолюция II Всесоюзного съезда воинствующих безбожников. М., 1929. С. 99.

<sup>18</sup> Там же. С. 12.

<sup>19</sup> *Ярославский Е.* Ленин, коммунизм и религия. М., 1933. С. 284.

<sup>20</sup> *Ярославский Е.* О «пятилетнем плане» работы безбожников. Доклад на заседании Исполбюро ЦС СВБ СССР 29 января 1930 г. // *Ярославский Е.* Против религии и церкви: в 5 т. Т. IV. Борьба за преодоление религии. М., 1935. С. 93.

<sup>21</sup> Российский государственный архив социально-политической истории (далее — РГАСПИ). Ф. П-17. Оп. 113. Д. 801. Л. 103.

<sup>22</sup> *Бессонов А. М.* Антирелигиозный чтец — декламатор. М., 1929; *Копиевский Н.* Досуг безбожника. М., 1930; *Глязер С.* Зимний досуг. М., 1934; *Покровский А. М.* Массовая антирелигиозная работа школы. М., 1930; и др.

<sup>23</sup> *Байдина А. В., Рогинская А. Ю.* Всем неграмотным ребятам. М., 1930; *Венгров Н., Осмоловский Н.* Мы в школе: букварь для школьников Сибири: весенний семестр. Новосибирск, 1931; *Здоров А. Е., Шестопалова Е. И., Валуцкий С. И.* Букварь для колхозников. М., 1931;

Кругляшова Р. А., Мирмельштейн М. В., Сизова В. А. Маленьким колхозникам. М.; Свердловск, 1931; Черемных М. М. Антирелигиозная азбука. М.; Л. 1933; и др.

<sup>24</sup> Стручков Г. Антирелигиозная работа в Красной армии // Воинствующее безбожие в СССР за 15 лет. М., 1932. С. 412.

<sup>25</sup> Долев Д. Пелена с глаз упала. Юные безбожники. 1932. № 1. С. 7.

<sup>26</sup> Большаков А. М. Советская деревня (1917–1925 гг.): экономика и быт. 2-е изд., знач. доп. Л., 1925. С. 204.

<sup>27</sup> ГА РФ. Ф. 5407. Оп. 1. Д. 94. Л. 4

<sup>28</sup> Вопросы деткомдвижения. Сб. 2. М., 1930. С. 41.

<sup>29</sup> Булавин М. В. Методы антирелигиозной пропаганды в деятельности Союза воинствующих безбожников на Среднем Урале // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2011. № 5-4 (11). С. 38.

<sup>30</sup> Благовидов А. «Антирелигиозная» работа // За антирелигиозное воспитание в школе. 1929. № 10. С. 59–60.

<sup>31</sup> Московский комитет ВЛКСМ пятнадцатому губсъезду. Проект постановлений. М., 1928. С. 32; Еженедельник Наркомпроса РСФСР. 1927. № 14. Ст. 319. С. 15; Восьмой Всесоюзный съезд ВЛКСМ (5–16 мая 1928 года). Стенографический отчет. М., 1928. С. 519, 589.

<sup>32</sup> Стенографический отчет Второго съезда СВБ. М., 1930. С. 30.

<sup>33</sup> Зайцева А. Первый опыт // За антирелигиозное воспитание в школе. 1929. № 10. С. 61.

<sup>34</sup> Антирелигиозник. 1931. № 1.

<sup>35</sup> Стенографический отчет VII Всесоюзной конференции ВЛКСМ (1–8 июля 1932 г.). М., 1933. С. 7.

<sup>36</sup> Воинствующее безбожие в СССР за 15 лет. 1917–1932 гг. М., 1932. С. 345, 363.

<sup>37</sup> IV расширенный пленум ЦС СВБ (1–4 февраля 1938 г.). М., 1938. С. 27–28.

<sup>38</sup> Шеримет А. Г. Идеологическое воздействие в провинции 1920-х годов: монополизация процесса // История: факты и символы. 2022. № 3 (32). С. 94.

<sup>39</sup> Peris D. Storming the Heavens. Ithaca, New York; London, 1998. P. 8–9, 225–226.

<sup>40</sup> Антирелигиозник. 1933. № 4. С. 78.

<sup>41</sup> Вопросы деткомдвижения. Сб. 2. М., 1930. С. 71.

<sup>42</sup> Государственный архив социально-политической истории Тамбовской области (далее — ГАСПИТО). Ф. П–1223. Оп. 1. Д. 41. Л. 19, 19 об.

<sup>43</sup> Антирелигиозник. 1927. № 11. С. 50

<sup>44</sup> Дианова Е. В. Антирелигиозное воспитание и обучение в школах Карелии в 1920-е годы // Государство, общество, Церковь в истории России XX–XXI веков. Иваново, 2020. С. 240.

<sup>45</sup> Сулова И. С. «Надо знакомиться с машинами»: материалы о кремации в газетах «Пионерская правда» и «Ленинские искры» (1927–1930-е гг.) // Детские чтения. 2020. Т. 17, № 1. С. 62–89.

<sup>46</sup> Подробнее см.: Савина А. А., Корнюшкина К. А. Карикатура как источник по истории советского детства (по материалам газеты «Пионерская правда» второй половины 20-х годов XX в.) // Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2020. Т. 162, кн. № 6. С. 194–209.

<sup>47</sup> Глязер С., Копиевский Н. Досуг безбожника. М., 1930. С. 59.

<sup>48</sup> Там же. С. 5.

<sup>49</sup> Торен Т. Заколдованный круг // Юные безбожники. 1931. № 3-4. С. 51.

<sup>50</sup> О том, как проводились подобные «разоблачения» см.: Амосов Н. Летняя работа юных безбожников // Юные безбожники. 1931. № 3-4. С. 22; Капырина С. Готовимся // Там же. 1932. № 5. С. 11–13; Бинкевич Е. Как работать в семье // Там же. № 2. С. 24; и др.

<sup>51</sup> ГАСПИТО. Ф. П-1176. Оп. 1. Д. 32. Л. 5–6.

<sup>52</sup> РГАСПИ. Ф. П-17. Оп. 113. Д. 801. Л. 3.

<sup>53</sup> Орлов И. Б. Лозунги и реалии «безбожной пятилетки» // Армагеддон. 2001. Кн. 11. С. 87.

<sup>54</sup> Регельсон Л. Трагедия Русской Церкви 1917–1945. М., 2007. С. 476.

<sup>55</sup> Солоухин В. А. Собр. соч. в 5 т. Т. 3. М., 2006. С. 115.

<sup>56</sup> ГАСПИТО. Ф. П-379. Оп. 1. Д. 126. Л. 57–58.



- <sup>57</sup> *Ривес С. М.* Религиозность и антирелигиозность в детской среде. М., 1930. С. 92.
- <sup>58</sup> Партийная этика. М., 1989. С. 311.
- <sup>59</sup> *Солоухин В. А.* Смех за левым плечом // Роман-газета. 1991. № 10. С. 32, 46.
- <sup>60</sup> Антирелигиозное воспитание в школах повышенного типа. Письмо пятнадцатое. Серия методических писем Главлесоизд. М.; Л. 1929. С. 55.
- <sup>61</sup> *Лопатина Н. Л.* Социокультурная трансформация религиозных ценностей в СССР в первой половине XX в. // Идеи и идеалы. 2018. Т. 1, № 4. С. 55.
- <sup>62</sup> *Большаков А. М.* Деревня. 1917–1927. М., 1927. С. 407.
- <sup>63</sup> *Гераськин Ю. В., Джейранов С. Н.* Власть и Церковь в период коллективизации в рязанской деревне // Вестник Рязанского государственного университета имени С. А. Есенина. 2019. № 2 (63). С. 34.
- <sup>64</sup> *Яковлева Ж. В.* Марш отсюда... церковь закрыта! Верующие теперь неверующие! Антирелигиозная кампания в Саратовском Поволжье (конец 1920-х — начало 1940-х гг.). Саратов, 2020. С. 54.
- <sup>65</sup> Внучата Ильича: страницы из истории Брянской областной пионерской организации имени В. И. Ленина. Брянск, 1964. С. 20.
- <sup>66</sup> ВЛКСМ. Лужский окружной комитет. Комиссия по походу за урожай. Памятка пионер отрядам в походе за урожай. Луга, 1929. С. 4.
- <sup>67</sup> *Мищенко Т. А.* Молодое поколение в конструировании новой политической идентичности в 1920-е гг. в деревне юго-запада Центра России // Манускрипт. 2020. Т. 13, № 10. С. 39.
- <sup>68</sup> *Ярославский Е.* Против религии и церкви: в 5 т. Т. I: Октябрьская революция, религия и церковь. М., 1932. С. 191.
- <sup>69</sup> Там же. С. 324.
- <sup>70</sup> Безбожник. 1934. № 7. С. 17.
- <sup>71</sup> Бюллетень НКВД. 1929. № 37. С. 1–5.
- <sup>72</sup> *Мызников А.* Классовость в школе // Просвещение Среднего Поволжья. 1930. № 6-7. С. 10.
- <sup>73</sup> Против религии и церкви: в 5 т. Т. IV. Борьба за преодоление религии. М., 1935. С. 148.
- <sup>74</sup> *Крупская Н. К.* Как поступать с детьми кулаков // Пионерская правда. 1930. 18 марта.
- <sup>75</sup> *Далгатов А. Г.* «Оппозиционная религиозность» в Советской России. СПб., 2002. С. 233.
- <sup>76</sup> Бюллетень Наркомпроса РСФСР. 1931. № 7. С. 8–10.
- <sup>77</sup> *Флеров И. А.* Укрепить и развить // Антирелигиозник. 1930. № 10. С. 81.
- <sup>78</sup> РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 60. Д. 793. Л. 83.
- <sup>79</sup> *Кизиков Б., Капустин А.* Пионеры на штурм весны. М.; Саратов, 1931. С. 8–9.
- <sup>80</sup> *Юров Д. Г.* Антирелигиозная работа школы с родителями и населением. 2-е изд. М.; Л., 1930. С. 4–5.
- <sup>81</sup> *Кузнецов М.* Антирелигиозная работа в школах Балашовского округа // На культурном фронте. 1930. № 7-8. С. 43.
- <sup>82</sup> Юные безбожники. 1932. № 2. С. 31.
- <sup>83</sup> Там же. С. 27–31; Антирелигиозник. 1930. № 11. С. 20; и др.
- <sup>84</sup> *Зленко А., Лопатин Л. Н., Лопатина Н. Л.* Старец земли Кузнецкой. Кемерово, 2012; *Лопатин Л. Н., Лопатина Н. Л.* Коллективизация и раскулачивание: (очевидцы и документы свидетельствуют). Кемерово, 2009; *Трушинович А. Р.* Воспоминания корниловца: 1914–1934. М.; Франкфурт, 2004; и др.
- <sup>85</sup> *Астафьев В.* Последний поклон // Его же. Повести и рассказы. Екатеринбург. 2003. С. 683.
- <sup>86</sup> *Ривес С. М.* Религиозность и антирелигиозность в детской среде. М., 1930. С. 45–47.
- <sup>87</sup> Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 1562. Оп. 33. Д. 2990. Л. 71–74.
- <sup>88</sup> Там же.

Статья поступила в редакцию 30 декабря 2022 г.  
Рекомендована к печати 31 июля 2023 г.

## ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Слезин А. А. Дети в «антирелигиозном наступлении» на рубеже 1920–1930-х гг. // Новейшая история России. 2023. Т. 13, № 4. С. 956–973. <https://doi.org/10.21638/spbu24.2023.416>

*Аннотация:* В статье деятельность юных «безбожников» в начальный период сплошной коллективизации СССР изучена через призму межпоколенческих отношений в российской деревне. В качестве основных источников использованы как архивные документы, так и материалы периодики, методические издания 1920–1930-х гг. Особое внимание уделено анализу взаимоотношений в духовной сфере представителей крестьянских поколений «детей революции» (тех, чье детство пришлось на первое послереволюционное пятнадцатилетие) и «революционного перелома» (родившихся на рубеже XIX–XX вв.). Пионеры и другие юные активисты были вовлечены в официально объявленное в конце 1929 г. «всесоюзное антирелигиозное наступление», в ходе которого приверженцы той или иной религии объявлялись классовыми врагами. Власть сделала ставку на юное поколение в «обезбоживании» села, считая, что у детей меньше предрассудков, их легче вовлечь в конфронтацию с верующими «отцами». Рассматривается роль детей в изменении сельской праздничной культуры, освещаются особенности распространения атеистических взглядов среди детей через средства массовой информации, школу, досуговые практики. Официально утверждалась позиция, согласно которой домашнее воспитание объявлялось крайне вредным. Школа воспринималась не только как инструмент воспитания детей, но и как рычаг перевоспитания через детей их родителей. В деятельности пионеров явно присутствовали элементы если не поучений, то вызова старшим. Под влиянием массовых протестов власть вынуждена была маневрировать: «наступление на религию» видоизменялось, но продолжалось. А под его влиянием противостояние юных безбожников и крестьян-приверженцев традиционных религий обострялось и имело разрушительные последствия для крестьянской преемственности поколений.

*Ключевые слова:* дети, поколения, отцы, молодежь, пионеры, село, крестьяне, религия, безбожники, коллективизация, церковь, СССР.

*Сведения об авторе:* Слезин А. А. (1964–2023) — д-р ист. наук, проф., Тамбовский государственный технический университет (Тамбов, Россия); [anatoly.slezin@yandex.ru](mailto:anatoly.slezin@yandex.ru)

Тамбовский государственный технический университет, Россия, 392000, Тамбов, ул. Советская, 106

## FOR CITATION

Slezin A. A. 'Children in "Anti-Religious Offensive" at the Turn of the 1920s–1930s', *Modern History of Russia*, vol. 13, no. 4, 2023, pp. 956–973. <https://doi.org/10.21638/spbu24.2023.416> (In Russian)

*Abstract:* The article studies the activities of "godless" youngsters in the initial period of USSR continuous collectivization through the prism of intergenerational relations in the Russian village. Both archival documents and materials of periodicals, methodological publications of the 1920s–1930s were used as the main sources. Priority attention was paid to the analysis of the relationship in the spiritual sphere of the peasant representatives of the "children of the revolution" generation (those whose childhood fell on the first post-revolutionary fifteen years) and the "revolutionary turning point" generation (born at the turn of the 19<sup>th</sup>–20<sup>th</sup> centuries). Pioneers and other young activists were involved in the "all-Union anti-religious offensive" officially announced at the end of 1929, during which adherents of some religion were declared class enemies. The authorities relied on the younger generation in the atheism in the village believing that children have fewer prejudices and it is easier to involve them in a confrontation with believing "fathers". Much attention in the article was paid to highlighting the role of children in changing the rural festive culture, the peculiarities of the spread of atheistic views among children through the media, school, and leisure practices. The position, according to which home education was declared extremely harmful, was officially approved. The school was perceived not only as a tool for raising children, but also as a lever for re-education of parents through their children. In the activities of pioneers, there were clear elements if not of teaching, then of a challenge to the elders. The authorities were forced to maneuver under the influence of mass protests: the "attack on religion" changed, but continued. Under its influence, the confrontation between

young atheists and peasant adherents of traditional religions escalated and had devastating consequences for the peasant continuity of generations.

**Keywords:** children, generations, fathers, youth, pioneers, village, peasants, religion, atheists, Collectivization, church, USSR.

The research was supported by the Russian Science Foundation (RSF), project no. 22-18-00132 "Generation of the 'revolutionary turning point' in the fate of the Russian countryside in the first third of the 20<sup>th</sup> century", <https://rscf.ru/project/22-18-00132/>

**Author:** Slezin A. A. (1964–2023)—Dr. Sci. in History, Professor, Tambov State Technical University (Tambov, Russia); [anatoly.slezin@yandex.ru](mailto:anatoly.slezin@yandex.ru)

Tambov State Technical University, 106, Sovetskaya ul., Tambov, 392000, Russia

### References:

- About cultural construction*, comp. I. F. Zakolodkin, V. V. Morozov, A. Ya. Podzemskiy (Moscow, 1930). (In Russian)
- Amosov N. K. 'For militant atheism', *Uchitel'skaia gazeta*, 3 February 1928. (In Russian)
- Astafyev V. 'Last bow' in Astafyev V. *Novels and stories* (Yekaterinburg, 2003). (In Russian)
- Baydina A. V., Roginskaya A. Yu. *To all illiterate children* (Moscow, 1930). (In Russian)
- Bessonov A. M. *Anti-religious reader – reciter* (Moscow, 1929). (In Russian)
- Blagovidov A. 'Anti-religious work', *Za antireligioznoe vospitanie v shkole*, no. 10, 1929. (In Russian)
- Bolshakov A. M. *Soviet village (1917–1925): economics and life*, 2<sup>nd</sup> ed. (Leningrad, 1925). (In Russian)
- Bulavin M. V. 'Methods of anti-religious propaganda in the activities of the Union of militant atheists in the Middle Urals', *Historical, Philosophical, Political and Law Sciences, Culturology and Study of Art. Issues of Theory and Practice*, no. 5-4 (11), 2011, pp. 36–42. (In Russian)
- Bustubaeva A. V. 'Participation of pioneers of the Chelyabinsk region in the industrialization and collectivization of rural economy' in *Voprosy obrazovaniia i nauki: teoreticheskii i metodicheskii aspekty* (Tambov, 2015). (In Russian)
- Cheremnykh M. M. *Anti-religious alphabet* (Moscow – Leningrad, 1933). (In Russian)
- Dalgatov A. G. "Oppositional religiosity" in *Soviet Russia* (St. Petersburg, 2002). (In Russian)
- Dianova E. V. 'Anti-religious upbringing and education in the schools of Karelia in the 1920s' in *Gosudarstvo, obshchestvo, Tserkov' v istorii Rossii XX–XXI vekov* (Ivanovo, 2020). (In Russian)
- Dolev D. 'The scales fell from my eyes', *Yunye bezbozhniki*, no. 1, 1937. (In Russian)
- Flerov I. A. 'Strengthen and develop', *Antireligioznik*, no. 10, 1930. (In Russian)
- Geraskin Yu. V., Dzheyranov S. N. 'Power and the Church during the period of collectivization in the Ryazan village', *The Bulletin of Ryazan State University named for S. A. Yesenin*, no. 2 (63), 2019, pp. 27–41. (In Russian)
- Glyazer S. *Winter leisure* (Moscow, 1934). (In Russian)
- Grishchenko I. A. 'The fight against religion as an ideological component of collectivization (based on archival materials of the Gomel region)' in *1917–2017: uroki stoletii* (Gomel, 2017). (In Russian)
- Ievleva O. I. 'Collectivization and the sentiments of the peasants of the Sukhinichi district of the Western region', *Aktual'nye problemy gumanitarnykh i estestvennykh nauk*, no. 4-1, 2016. (In Russian)
- Kizikov B., Kapustin A. *Pioneers on the assault of spring* (Moscow – Saratov, 1931). (In Russian)
- Kopievskiy N. *Leisure of the atheist* (Moscow, 1930). (In Russian)
- Kornyushkina K. A. 'Pioneer children in the processes of collectivization and dispossession (based on the materials of the Pionerskaya Pravda newspaper in the period from 1925 to 1933)' in *Perspektivnye nauchnye issledovaniia* (Orenburg, 2017). (In Russian)
- Kruglyashova R. A., Mirmelstein M. V., Sizova V. A. *To little collective farmers* (Moscow – Sverdlovsk, 1931). (In Russian)
- Krupskaya N. K. 'How to deal with children of kulaks', *Pionerskaia Pravda*, 18 March 1930. (In Russian)
- Kuznetsov M. 'Anti-religious work in schools of the Balashov district', *Na kul'tfronte*, no. 7-8, 1930. (In Russian)
- Levada Yu. A. \* 'Notes on the problem of generations' in *Ottsy i deti: Pokolencheskii analiz sovremennoi Rossii*. Y. Levada, T. Shanin (eds) (Moscow, 2005). (In Russian)

\* The ANO Levada Center has been included in the registry of non-commercial organizations acting as foreign agents.

- Lopatin L. N., Lopatina N. L. *Collectivization and dispossession: (eyewitnesses and documents testify)* (Kemerovo, 2009). (In Russian)
- Lopatina N. L. 'Sociocultural transformation of religious values in the USSR in the first half of the 20<sup>th</sup> century', *Ideas and Ideals*, vol. 1, no. 4, 2018, pp. 49–62. (In Russian)
- Mishchenko T. A. 'The young generation in the construction of a new political identity in the 1920s in a village in the South-West of the Center of Russia', *Manuscript*, vol. 13, no. 10, 2020, pp. 34–40. (In Russian)
- Myznikov A. 'Social class in school', *Prosveshenie Srednego Povolzh'ia*, no. 6-7, 1930. (In Russian)
- Novoselov A. L., Salnikova A. A. 'A priest with a fist bungled a "miracle": anti-religious propaganda on the pages of the children's magazine "Young Atheists"', *Modern Scientific Thought*, no. 2, 2020, pp. 80–86. (In Russian)
- Orlov I. B. 'Slogans and realities of the "godless five-year plan" in *Armageddon*. Book 11, 2011. (In Russian)
- Peris D. *Storming the Heavens*. Ithaca; and London (Cornell, 1998).
- Pokrovskiy A. M. *Mass anti-religious work of the school* (Moscow, 1930). (In Russian)
- Regelson L. *Tragedy of the Russian church of 1917–1945* (Moscow, 2007). (In Russian)
- Rives S. M. *Religiosity and anti-religiosity in children's environment* (Moscow, 1930). (In Russian)
- Rozhkov A. Yu. 'Transformation of the value orientations of the rural youth of the Kuban in the conditions of the intergenerational gap (1920s)', *Golos minuvshego*, no. 3-4, 2016. (In Russian)
- Rybakov R. V. "'Socialist culture lacks some virtuous principles": from the experience of educating Soviet youth in the 1920s', *Historical, Philosophical, Political and Law Sciences, Culturology and Study of Art. Issues of Theory and Practice*, no. 11-1 (73), 2016. (In Russian)
- Salnikova A. A., Korniyushkina K. A. "'We are great guys, Leninist pioneers!": Formation of the image of the "ideal" Soviet child on the pages of the Pionerskaya Pravda newspaper (second half of the 1920s — early 1930s)', *Gumanitarnye nauki v XXI veke: nauchnyi Internet-zhurnal*, no. 9, 2017. (In Russian)
- Savina A. A., Korniyushkina K. A. 'Caricature as a source on the history of Soviet childhood (based on materials from the newspaper "Pionerskaya Pravda" of the second half of the 20<sup>th</sup> century)', *Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta, Ser. Gumanitarnye nauki*, vol. 162, 2020. (In Russian) DOI 10.26907/2541-7738.2020.6.194-209
- Soloukhin V. A. 'Laughter behind the left shoulder', *Roman-gazeta*, no. 10, 1991. (In Russian)
- Soloukhin V. A. *Collected words*, in 5 vols. (Moscow, 2006). (In Russian)
- Sherimet A. G. 'Ideological influence in the provinces of the 1920s: monopolization of the process', *History: Facts and Symbols*, no. 3 (32), 2022. (In Russian)
- Struchkov G. 'Anti-religious work in the Red Army' in *Militant irreligion in the USSR for 15 years* (Moscow, 1932). (In Russian)
- Suslova I. S. "'We need to get acquainted with machines": materials on cremation in the newspapers "Pionerskaya Pravda" and "Lenin's sparks" (1927s–1930s)', *Children's Readings: Studies in Children's Literature*, vol. 17, no. 1, 2020. (In Russian)
- Trusnovic A. *Memoirs of a kornilovets: 1914–1934* (Moscow – Frankfurt am Main, 2004). (In Russian)
- Vengrov N., Osmolovskiy N. *We are at school: a primer for Siberian schoolchildren: spring semester* (Novosibirsk, 1931). (In Russian)
- Vyazinkin A. Yu. 'Generation of the "revolutionary turning point" in the fate of the Russian village in the first third of the 20<sup>th</sup> century: problems of historiography', *Voprosy istorii*, no. 7-2, 2022, pp. 153–165. <https://doi.org/10.31166/VoprosyIstorii202207Statyi46> (In Russian)
- Yakovleva Zh. V. *Get out of here... the church is closed! Believers are now unbelievers! — Anti-religious campaign in the Saratov Volga region (late 1920s — early 1940s)* (Saratov, 2020). (In Russian)
- Yaroskavsky Y. 'About the "five-year plan" for the work of atheists' in Yaroslavsky Y. *Against religion and church*, in 5 vols., Vol. IV The struggle to overcome religion (Moscow, 1935). (In Russian)
- Yaroskavsky Y. *Lenin, communism and religion* (Moscow, 1933).
- Yaroslavsky Y. 'To the youngest atheists (for the rally of pioneers)', *Bezbozhnik*, 11 August 1929. (In Russian)
- Yurov D. G. *Anti-religious work of the school with parents and the population*, 2<sup>nd</sup> ed. (Moscow – Leningrad, 1930). (In Russian)
- Zamyatin E. 'Soviet children' in Zamyatin E. *Collected Works*, vol. 4 (Munich, 1988). (In Russian)
- Zdorov A. E., Shestopalova E. I., Valutskiy S. I. *Alphabet book for collective farmers* (Moscow, 1931). (In Russian)
- Zlenko A., Lopatin L. N., Lopatina N. L. *Elder of the Kuznetsk land* (Kemerovo, 2012). (In Russian)

Received: December 30, 2022

Accepted: July 31, 2023